

Иван Киреевский

Е. А. Баратынский.

Баратынский родился в 1800 году[*], то есть в один год с Пушкиным[1], оба были ровесники веку. От природы получил он необыкновенные способности: сердце глубоко чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви к прекрасному, ум светлый, обширный и вместе тонкий, так сказать, до микроскопической проницательности и особенно внимательный к предметам возвышенным и поэтическим, к вопросам глубокомысленным, к движениям внутренней жизни, к тем мыслям, которые согревают сердце, проясняя разум, – к тем музыкальным мыслям, в которых голос сердца и голос разума сливается созвучно в одно задумчивое размышление. В первом детстве получил он самое тщательное воспитание; оно много помогло впоследствии развитию его необыкновенно утонченного вкуса. Но молодость его была несчастлива. В далекой Финляндии, посреди дикой и мрачной природы, в разлуке с родными и близкими ему людьми, с неодолимою тоскою по родине, вдали от тех, кто мог бы понять его и утешить сочувствием, печально и одиноко провел он лучшие годы своей юности [2].

[] В селе Мара Тамбовской губернии Кирсановского уезда, 29 июня.*

Это обстоятельство, вероятно, содействовало к тому, что его самые светлые мысли и даже в самое счастливое время его жизни остались навсегда проникнуты тихой, но неотразимою грустью. Впрочем, может быть, он и от природы уже был склонен к этому направлению мысли, которое очень часто замечается в людях, соединяющих глубокий ум с глубокою чувствительностью. Оно происходит, вероятно, оттого, что такие люди смотрят на жизнь не шутя, понимают ее высокую тайну, понимают важность своего назначения и вместе неотступно чувствуют бедность земного бытия. Оттого они даже в кругу забав и шумных удовольствий часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для них бывает соединено с непреодолимою задумчивостию и скорее похоже на грусть, чем на веселость обыкновенных людей.

Но между тем из Финляндии Баратынский мог иногда приезжать в Петербург, где в то время только явился первый выпуск учеников Царскосельского лицея – юношей, почти детей, связанных узами благородной дружбы, основанной на одинаковом воспитании, на общей, им внушенной любви к великому, к прекрасному, к просвещению, к наукам, к искусству, дружбы, особенно крепкой внутренним согласием их нравственных понятий. В числе их был молодой Пушкин, Дельвиг и весьма многие юноши, богатые талантами, или замечательные умом, или сильные характером, различные способностями, но все проникнутые нетерпеливою жаждою деятельности, живым стремлением к значительным целям жизни. Впоследствии не все развились одинаково; различные обстоятельства развели их в различные стороны; некоторые могли уклониться от первого направления, впасть на некоторое время в крайность или заблуждение; другие счастливо совершили поприще свое; но в то время их общее дружеское сочувствие пробудило в каждом из них все лучшие способности души, так что из их значительного круга или от живого соприкосновения с ними вышли почти все замечательные люди того времени. С ними сошелся и Баратынский, и в их живительном обществе загорелась в душе его первая искра его поэтического таланта, уже приготовленного его прежнею жизнью. Так в хорошем, равно как и в дурном, сочувствие окружающих нас людей вызывает из сердца те стремления, которые без того, может быть, никогда не родились бы на свет. Общее мнение скоро соединило имя Баратынского с именами Пушкина и Дельвига, в то же время как внутреннее сродство сердечных пристрастий связало их самую искреннюю дружбою, цело сохранившеюся до конца жизни всех трех.

Баратынский скончался в прошедшем году в Италии, которую он особенно любил в своих далеких мечтаниях, – в кругу своего семейства, где он нашел то душевное счастье, которое было главнейшею потребностью его любящего сердца. "Сладко проходит здесь жизнь наша", – писал он в последнем письме из Неаполя к своему брату [3].

Стихи Баратынского отличаются теми же качествами, какие составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отделки всегда скрывает в них сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тем сколько ни замечательно их поэтическое достоинство, однако они еще не вполне высказывают тот мир изящного, который он носил в глубине души своей.